всех ее аспектах невозможно. Исследования, вошедшие в сборник, не только дополняют наши знания об отдельно взятом постсоветском регионе, но и подвергают проверке существующие теоретические подходы, корректируя и расширяя их. На примере некоторых упомянутых выше статей мы видим, что противопоставление «большой» и «малой» традиций вовсе не устарело — будучи применено с должной исследовательской чуткостью, оно позволяет лучше рассмотреть социальные процессы. В то же время работы Дариевой и Мелкумяна напоминают нам, что религиозные традиции по сути своей не статичны, они постоянно трансформируются, смешиваются, порождают новые традиции. Отдельного внимания заслуживает замечание Флориана Мюльфрида о позитивных свойствах священных границ и практиках «несовместности» (*non-sharing*). Это замечание особенно ценно в контексте исследования Кавказа — действительно, внимание исследователей зачастую сфокусировано на вопросах «что послужило причиной конфликта?» и «как устроен конфликт?», в то время как вопросы «что стоит за отсутствием конфликта?» и «как устроена повседневная деэскалация?» остаются за скобками. Рассмотрение причин *отсутствия* конфликта может обогатить наши знания о природе его возникновения.

Все же главное достоинство сборника в том, что исследователи достигли заявленной во введении цели — вместо овеянного мифами о жестокости экзотизированного Кавказа авторы знакомят нас с жизнью и проблемами реальных людей. Поэтому эта книга будет интересна не только специалистам, но и любому, кто захочет узнать о жизни этого региона.

Г. Григорьев

Helena Kupari and Elina Vuola (eds) (2020) *Orthodox Christianity and Gender: Dynamics of Tradition, Culture and Lived Practice*. London: Routledge. — 214 p.

DOI: https://doi.org/10.22394/2073-7203-2020-38-3-373-378

Сборник статей о православном христианстве и гендере под редакцией Хелены Купари и Элины Вуолы — это очень своевременная и нужная попытка рефлексии на незаслуженно маргинальную тему. Исследователям религии и исследованиям гендера, по мнению редакторов сборника, свойственно игнорировать

проблемы друг друга, что Вуола называет «двойной слепотой»[4]. Несмотря на многочисленные контрпримеры со стороны специалистов в области антропологии религии (начиная, пожалуй, с Сабы Махмуд[5]), эта проблема все же актуальна, как справедливо замечают редакторы в предисловии, для исследований православия — ветви христианства, конвенционально считающейся патриархальной. Авторы введения отмечают, что такое восприятие православия характерно как для более консервативных его приверженцев, так и для критически настроенных исследователей (p. 2).

Ставя вопрос таким образом, Купари и Вуола отсылают к традиции, в которой сами много лет успешно работают — к феминистской теологии. Они сетуют на практически полное отсутствие работ по феминистской теологии православия, а те работы, которые все же ставят во главу угла проблему женщины в православии, избегают подобного маркирования. После того как я прочитал сборник, у меня возник вопрос, продолжающий эту линию рассуждений. Можно ли говорить о том, что православный взгляд на гендер по своей сути является в той или иной мере патриархальным, или скорее даже комплементарным нарративом (то есть утверждающим, что мужчины и женщины равноценны в глазах Бога, но имеют разные взаимодополняющие роли), или же гендерный порядок и иерархии православия задаются исключительно его культурными интерпретациями? Будут ли принципиальными расхождения в попытках ответа на этот вопрос со стороны исторической науки и феминистской теологии? Обратимся к содержанию сборника.

Сборник основывается на ставшей уже мейнстримом традиции изучения религии как процесса повседневного конструирования смыслов, а не как устоявшегося феномена. Этот подход предложил Роберт Орси под названием «проживаемая религия» (*lived religion*[6]). Основываясь на нем, редакторы разбили сборник на три части: «оспаривание традиции», «проживаемое православие» и «кризисы и гендер». Первую часть

4. Vuola, E. (2016) “Feminist Theology, Religious Studies, and Gender Studies: Mutual Challenges”, in L. Gemzöe, M.-L. Keinänen, A. Maddrell (eds) *Contemporary Encounters in Gender and Religion: European Perspectives*, pp. 307–334. New York: Palgrave MacMillan.

5. Mahmood, S. (2005) *The Politics of Piety: the Islamic Revival and the Feminist Subject*. Princeton: Princeton University Press.

6. См. Orsi, R.A. (1985) *The Madonna of 115th Street: Faith and Community in Italian Harlem, 1880–1950*. New Haven: Yale University Press.

открывает глава Брайана Бутчера, где он задает основные позиции (*vantage points*), с которых удобнее обсуждать гендер в православном богословии. Первой такой позицией он называет концепт *imago Dei*, то есть положение о том, что все люди созданы по образу и подобию божию и должны стремиться к святости, от которой их отделило грехопадение. На примере таинства крещения Бутчер рассуждает о практическом воплощении православного комплементаризма. Вторым ключевым сюжетом Бутчер называет противопоставление Христа и Богоматери как фигур, олицетворяющих мужское и женское начало. После этого Бутчер рассматривает членов святой Троицы в рамках олицетворения мужского и женского начала: Дух Святой рассматривается в терминах феминности, а Богу отведена роль отца. Кроме того, рассматриваются проблемы сексуальности, божественной природы и ЛГБТКИА+. Отдельный интерес представляет второй сюжет, в котором Христос противопоставляется Божьей Матери в рамках представления о православном гендерном порядке. Я вернусь к нему в конце рецензии.

В следующей главе Надежда Белякова рассматривает процессы развития стратегий женского социального служения в Русской Православной Церкви на стыке XIX и XX веков на примере смещения фокуса такого служения из монастырей к институту диаконисс. В отличие от монахинь преимущественно крестьянского происхождения, диакониссами зачастую становились образованные женщины из высших сословий. Автор показывает этапы развития этого института, включая противодействие со стороны консервативного клира и его внезапное сворачивание с наступлением революции 1917 года.

Глава Катариины Хуссо посвящена финским женщинам — мастерам иконописи середины XX века. Ее глава преимущественно дескриптивна, и вопрос о том, повлияли ли женщины-иконописцы на иконографию Финляндской православной церкви, она ставит лишь в заключении. Тем не менее глава Хуссо — это глубокий и богатый контекстом рассказ о проблемах противостояния консервативного и модернистского понимания гендерных ролей в Финляндской православной церкви вплоть до настоящего времени.

Петер-Бен Смит рассказывает об уникальном и практически неизвестном кейсе — о консультациях православных и католических богословов по вопросу о возможности женского священства, которые состоялись в 1996 году. В результате этих консультаций богословы обеих церквей пришли к совершенно революци-

онному выводу: для ординации женщин нет серьезных богословских препятствий. Смит помещает этот вопрос в более широкий контекст восприятия христианской традиции сквозь призму взаимоотношений между богословием, историей и социальными науками. В конце главы мне хотелось бы также увидеть рассуждения на тему того, последовала ли за решениями богословов какая-либо реакция со стороны священноначалия обеих церквей.

В этнографически насыщенной главе, открывающей раздел о проживаемом православии, Андреас Калкун рассматривает практики соблюдения ветхозаветных представлений о женской нечистоте во время менструации и после родов у народа сету в Эстонии. Помимо подробного анализа формальных и неформальных практик, Калкун также уделяет внимание методологическим и этическим вызовам, с которыми сталкивается исследователь женской религиозности, тесно связанной с телесностью и сексуальностью. Однако, на мой взгляд, в этом обсуждении Калкун уделяет недостаточное для этнографа внимание напряженности полевой ситуации, в которой мужчина-исследователь обсуждает с верующими женщинами интимные подробности их восприятия своей женственности.

Сара Рикарди-Шварц рассматривает материальную культуру американского православия на Среднем Западе на примере устройства и восприятия красного угла в доме у прихожанок. Эти рассуждения автор помещает в более широкий контекст роли женщин в церкви, в частности, она анализирует их социальные и хозяйственные служения. Этот аспект отсылает читателя к главе Надежды Беляковой о диакониссах. Рикарди-Шварц показывает, как обустройство красного угла верующими женщинами и то, как они его описывают, позволяет рассмотреть противопоставление богословских установлений и повседневных практик гендерного порядка.

В главе об Обществе Рождества Богородицы (*Jumalansynnyttäjän syntymän yhteisö*) в Хельсинки Пекко Метсо, Нина Маскулин и Теуво Лаитила рассказывают о небольшой финско-православной группе, преимущественно состоящей из женщин. Авторы акцентируют внимание на контексте большого города, в котором действует группа и живут ее члены, и на противопоставлении лидером общины, матушкой Элисабет, монашества (единственным представителем которого является она сама) и мирян. Собственно, гендерный аспект главы, несмотря на его очевидность, выходит на передний план лишь в предпоследнем разделе и заключении.

Третий раздел сборника, посвященный кризисам и гендеру, открывает глава Хелеен Зоргдрагер о женском активизме в борьбе за мир на Украине после событий 2013–2014 годов. Зоргдрагер рассматривает четыре основных направления женского активизма: ассоциации солдатских матерей, патриотический активизм харизматичного лидера Олеси Долиной, феминистскую критику милитаризма Марии Маерчик и Ольги Плахотник и международный проект «Диалог в действии» (*Dialogue in Action*). В главе проводится подробный анализ женского активизма на Украине, но две основные темы — гендер и религия — далеко не всегда пересекаются. Кроме того, некоторые из форм активизма, описываемые Зоргдрагер, имеют довольно опосредованное отношение к религии в принципе.

Глава Элени Сотириу о переживании катастрофических последствий финансового кризиса в практиках греческого православия — это, по признанию самого автора, одна из первых попыток исследований подобного рода. Сотириу отмечает парадоксальный для послемодернового времени значительный приток мужчин в Элладскую православную церковь. Одним из последствий такого притока автор видит возросшее почитание святых мужского пола, в частности святого Луки (Войно-Ясенецкого), в то время как для женщин характерно почитание Богородицы.

Последняя глава сборника посвящена тридцатилетней традиции переживания Чернобыльской катастрофы в белорусском православии на примере иконографии и материального искусства. Елена Ромашко приводит примеры, главным образом, неканонического иконотворчества и произведений искусства, транслирующих ужас от невидимой, но реальной угрозы радиационного заражения и его последствий для новых поколений белорусских детей. В этой главе, которая сама по себе глубока и эмоциональна, гендерный аспект последствий чернобыльской трагедии скорее упоминается, нежели всерьез анализируется. К тому же, в дополнение к довольно подробному описанию визуальных образов, не хватает их изображений — в главе приводятся только две иллюстрации.

Сборник «Православное христианство и гендер: динамика традиции, культуры и проживаемых практик» — это очень важный этап в изучении православия, в том числе и в контексте преодоления «двойной слепоты» в религиоведении и гендерных исследованиях. Подход, выбранный редакторами и выделяющий три основные темы — традиции, практики проживаемой ежедневности и кризиса, — мне кажется оправданным и продуктивным.

Тем не менее, я вижу определенного рода проблему в теоретическом направлении, заданном редакторами, хотя и не разделяемом безусловно всеми авторами сборника.

Как я уже отмечал, Хелена Купари и Элина Вуола работают в рамках феминистической теологии. Легитимность этого подхода не вызывает у меня сомнений. Однако проблема заключается в том, что Купари и Вуола рассматривают любые «гендерно-сенситивные» исследования религии (то есть всерьез анализирующие гендерные аспекты религиозности) как феминистические. Отсюда следует не только их недоумение по поводу неиспользования такого обозначения некоторыми авторами, сознательно пишущими о проблемах религии с позиции женщины, но и принятие определенных утверждений без критического осмысления. К таковым относится не только уже заданный мной ранее вопрос об изначальной патриархальности или комплементарности православия, но и более конкретные эмпирические примеры, вроде утверждения о том, что Богородица конвенционально воспринимается не только и не столько как «святая женского рода», сколько как «святая для женщин», что зачастую подается как очевидный факт, не требующий обоснования.

Мое замечание, тем не менее, не умаляет ни роли этого как никогда актуального сборника, ни высокого уровня исследований, наполнивших его содержанием. Наряду с недавним сборником статей по религии и гендеру в европейском контексте[7] (Gemzöe et al. 2016), рецензируемый сборник безусловно займет важное место в современном религиоведении.

И. Микешин

Библиография

Gemzöe, L., Keinänen, M.-L. and Maddrell, A. (eds.) (2016) *Contemporary Encounters in Gender and Religion: European Perspectives*. Cham: Palgrave Macmillan.

Mahmood, S. (2005) *The Politics of Piety: the Islamic Revival and the Feminist Subject*. Princeton: Princeton University Press.

Orsi, R. A. (1985) *The Madonna of 115th Street: Faith and Community in Italian Harlem, 1880–1950*. New Haven: Yale University Press.

Vuola, E. (2016) “Feminist Theology, Religious Studies, and Gender Studies: Mutual Challenges”, in L. Gemzöe, M.-L. Keinänen, A. Maddrell (eds) *Contemporary Encounters in Gender and Religion: European Perspectives*, pp. 307–334. New York: Palgrave MacMillan.

7. Gemzöe, L., Keinänen, M.-L., Maddrell, A. (eds) (2016) *Contemporary Encounters in Gender and Religion: European Perspectives*. Cham: Palgrave Macmillan.